

Н.П.КОНОНКОВА

**РЕФОРМЫ 90-х ГОДОВ В РАБОТАХ ЭКОНОМИСТОВ –
СТОРОННИКОВ ПОСТЕПЕННОГО РЕФОРМИРОВАНИЯ
(Обзор)**

Идеи радикальной реформы были сформированы рядом представителей интеллектуальной российской элиты еще в 60-е годы. Уже тогда становилось очевидным, что сложившаяся социально-экономическая система и соответствующая ей модель хозяйствования не обладают необходимой восприимчивостью к запросам научно-технической революции, лишены гибкости и внутренних импульсов саморазвития, не способны обеспечить высокую эффективность экономики и ее социальную направленность. При этом из истории становления и функционирования рыночной экономики были сделаны и взяты на вооружение весьма поучительные выводы.

Мировой опыт свидетельствует о том, что, во-первых, без развитого рыночного механизма не существует высокоэффективной экономики; во-вторых, рыночная экономика не создается с помощью указов или всеобщего голосования. Она является результатом длительного исторического развития, предполагающего соответствующую инфраструктуру, правовую базу и глубокие изменения в системе ценностей; в-третьих, современная рыночная экономика не является унифицированной схемой, она включает в себя огромное многообразие форм и моделей, учитывающих своеобразие отдельных регионов и стран; в-четвертых, рыночный механизм не может быть всеохватывающим и предполагает активную деятельность государства; в-пятых, естественная логика реформы нарушается либо в силу возобладания консервативных тенденций, либо в силу дестабилизации социально-политической обстановки.

Эти теоретические обобщения служат отправным пунктом для анализа хода экономической реформы и, в случае необходимости,

корректировки проводимого курса. Наиболее последовательно накопленный потенциал знаний и опыта реформирования использовался сторонниками постепенных преобразований в лице ученых Российской академии наук (РАН) (3; 11; 14; 15; 17 и др.).

ИСТОРИЯ СОЗДАНИЯ ПЕРВОЙ КОНЦЕПЦИИ РАДИКАЛЬНОЙ РЕФОРМЫ

Подготовка концепции была возложена на Государственную комиссию по экономической реформе, образованную в 1989 г. в составе правительства во главе с Н.Рыжковым. В эту комиссию вошли руководители экономических ведомств, опытные хозяйственники, ведущие ученые-экономисты. Среди них можно назвать академиков Л.Абалкина, А.Аганбегяна, С.Шаталина, директора Института мировой экономики и международных отношений, ныне академика В.Мартынова, крупнейших специалистов в области управления Р.Евстигнеева, Г.Егизаряна и Б.Мильнера.

В течение короткого срока был сформирован относительно немногочисленный, но высокопрофессиональный рабочий аппарат комиссии. О его потенциальных возможностях говорит не только объем и качество подготовленных документов, но и то, что большинство его сотрудников и в настоящее время занимают ключевые позиции в органах управления экономикой и в общественной жизни. Заместителями председателя Комиссии по реформе стали П.Кацура, С.Асекритов, А.Орлов и В.Покровский. Отделы и сектора возглавили Г.Явлинский, Е.Ясин, Г.Меликьян, Ю.Хачатуров.

Комиссия занимала особое место в аппарате правительства, инициировала постановку ключевых вопросов реформирования экономики, взяла на себя разработку основных нормативных актов. Были подготовлены проекты законов о собственности, об акционерных обществах, о Государственном банке и банковской системе. В тесном контакте с нарождающимися союзами предпринимателей и на основе обобщения первого опыта их работы готовились предложения по финансовой стабилизации, развитию малого бизнеса, антимонопольной политике.

Как пишет академик Л.Абалкин, опыт создания специализированного правительственного органа по управлению процессом реформирования экономики полностью оправдал себя (3). Вместе с тем, он признает наличие существенных ограничений полномочий комиссии, которые не только осложняли синхронизацию

мер по проведению реформы, но и служили одним из основных тормозов в ее работе.

Концепция «Радикальная реформа: Первоочередные и долговременные меры» (23) была принята уже через три месяца после образования правительства и создания самой Комиссии. Большое значение придавалось общественному мнению. Необходимо было придать концепции широкое звучание, сделать ее открытой и понятной всем слоям общества. Сокращенный вариант концепции был опубликован в газете «Экономика и жизнь», а сама концепция вынесена на обсуждение Всесоюзной научно-практической конференции (ноябрь 1989 г., г. Москва).

Реакция на представленный документ как в стране, так и за рубежом была далеко неоднозначной, но ясно демонстрировала степень готовности общества к радикальным переменам. Анкетирование среди самих участников конференции показало, что реалистичной предложенную программу считают 62% опрошенных. Треть дали отрицательный ответ. Наиболее скептически отнеслись к предложенной программе работники вузов, а самую большую поддержку она получила у работников предприятий (3, с.33).

В концепции радикальной реформы подробно прописывались действия, которые намечалось осуществить после ряда предварительных шагов, включая:

- 1) стимулирование перехода государственных предприятий на аренду, их преобразование в акционерные общества и иные хозяйственные товарищества, кооперативы, коллективные предприятия;
- 2) жесткую политику финансового оздоровления с использованием новых налоговых и кредитных рычагов, стабилизацию денежного обращения;
- 3) активную структурную политику, направленную на ускоренное развитие производства потребительских товаров и услуг, производственной и социальной инфраструктуры, укрепление экспортного потенциала, ресурсосбережение;
- 4) последовательное и неуклонное формирование рынка (продажа продукции сверх государственных заказов по свободным ценам, которые снижаются по мере увеличения объемов реализуемой на рынке продукции и ограничения денежной массы; введение антимонопольного законодательства и поощрение состязательности);
- 5) поэтапное приближение государственных твердых и регулируемых цен к свободным ценам, балансирующим спрос и

предложение на рынке, приведение их в соответствие с ценами мирового рынка;

6) формирование финансового рынка, создание фондовых бирж и системы государственного регулирования торговли ценными бумагами;

7) интенсивное развитие внешнеэкономических связей, стимулирование иностранных инвестиций, создание совместных предприятий, зон совместного предпринимательства;

8) развитие валютного рынка, начиная с проведения валютных аукционов и кончая организацией нормальной торговли валютой, подготовка условий для введения вначале частичной конвертируемости рубля;

9) перестройку организационных структур управления в связи с изменениями в распределении их функций, расширением самостоятельности предприятий и формированием рынка (3, с.34).

Отличительной чертой предложенной концепции является ее взвешенность. Реформирование предполагалось разделить на конкретные этапы: 1990, 1991-1992 и 1993-1995 гг., с четкой разбивкой задач, решаемых на каждом из них (к концепции был приложен соответствующий график). Согласно приведенным расчетам, к концу третьего этапа, т.е. к 1995 г., удельный вес предприятий, находящихся в государственной собственности, должен был составить 30% (по стоимости основных фондов), доля акционерных предприятий приблизиться к 25, арендных предприятий – к 20, кооперативов – к 15% (3, с. 35).

По замыслу авторов концепции, осуществление вышеперечисленных мер должно было заложить основу для эффективного функционирования социально ориентированной рыночной экономики без серьезных потрясений и жертв со стороны населения.

При разработке концепции были проанализированы и просчитаны три возможных варианта ее реализации: эволюционный, радикальный и умеренно-радикальный. Радикальный вариант соответствовал сценарию, названному в последующем «шоковым».

Он предполагал сконцентрированную на коротком отрезке времени коренную ломку сложившихся структур, одновременное снятие всех ограничений для действия рыночного механизма, осуществление самых решительных мер по финансовому оздоровлению, сокращение государственных расходов на инвестиции и дотации к розничным ценам, жесткую кредитную политику. Рыночный механизм должен был включаться путем полного, или почти полного, отказа от контроля за ценами и доходами.

Все последствия такого радикального варианта хорошо осознавались разработчиками концепции. Стране грозили галопирующая инфляция, разорение большого числа предприятий при одновременном обогащении других, нарушение сложившейся системы хозяйственных связей, спад производства, массовая безработица, существенное снижение уровня жизни. Поэтому, опираясь на проведенный анализ и основное содержание концепции, правительство Н.Рыжкова избрало так называемый умеренно-радикальный вариант и приступило к его реализации.

Первые шаги радикальной экономической реформы (1988-1990) проявились в следующем.

1. Начался реальный процесс разгосударствления экономики (прежде всего – управления). Был ликвидирован ряд союзных министерств, на базе которых возникли первые государственные концерны: «Газпром» и «Агрохим». Все преобразования происходили в то время при упорном сопротивлении Верховного Совета СССР.

2. Наряду с созданием мелких акционерных обществ было принято решение о создании АО «Камаз», на опыте работы которого намечалось отработать механизм акционирования крупнейших предприятий, комбинатов и других хозяйственных объектов. Причем правительство действовало с опережением: акционерные общества создавались до принятия соответствующих законов.

3. Оперативно решались вопросы разграничения полномочий центра и регионов в вопросах долевого разделения акций создаваемых акционерных обществ.

4. Кардинальные изменения произошли в банковской системе. Был принят закон о Государственном банке, в соответствии с которым он выводился из подчинения правительству. Началось формирование двухуровневой банковской системы, возникли первые коммерческие (в том числе кооперативные) банки.

5. Начался переход от традиционной схемы материально-технического снабжения к оптовой торговле, т.е. к рыночной форме оборота средств производства. Принципиальные изменения вводились в систему государственного заказа, который должен был размещаться в договорном порядке.

6. Произошел массовый сдвиг в общественном сознании в сторону принятия идеи эффективно регулируемого рынка.

О прочности закладываемого фундамента реформ можно судить по проведенным Институтом экономики РАН исследованиям. Специальный анализ наиболее эффективно работающих в середине 90-х

годов компаний, банков, ассоциаций показал, что большая их часть была создана в 1989-1990 гг. и выросли из первых кооперативов, арендных предприятий или коммерческих банков.

Эти первые практические шаги по реализации умеренно-радикального варианта реформы были революционными по своему значению и рыночными по своей природе. Они требовали огромных усилий, глубокой научной проработки, тщательного изучения мирового опыта, «и происходили они, естественно, в упорной борьбе, поскольку натывались на стереотипы и догмы уходящей со сцены системы» (3, с.38).

Значение первой концепции радикальной экономической реформы, разработанной в 1989 г., состоит в том, что она открыла путь к активным действиям. История ее создания весьма поучительна и позволяет развеять миф, согласно которому радикальная реформа началась якобы лишь в 1992 г. Однако внешние условия, прежде всего обострившаяся политическая ситуация в стране, серьезно осложнили ее проведение в жизнь. Вскоре она стала заложницей политических страстей и амбиций, а позднее и наложницей в коварных руках политических деятелей.

ОШИБКИ ПРАВИТЕЛЬСТВА

Команде Н.Рыжкова приходилось работать в крайне тяжелых условиях неприятия реформы со стороны консервативно настроенных членов правительства и постоянной критики со стороны более радикальных реформаторов. Нарождавшаяся оппозиция «демократов» объединяла всех недовольных прошлым и настоящим, критиковавших все подряд: административную систему, партократию, консерваторов, привилегии, имперские замашки.

В конечном счете правительство Н.Рыжкова было объявлено «демократами» консервативным и обвинено в сопротивлении реформам. Эта мысль довольно успешно внедрялась в массовое сознание. До сих пор многие серьезные ученые и политики, в том числе и на Западе, верят в сложившийся стереотип (13; 24).

Разработчики реформы признают, что правительство не сразу осознало исключительную важность работы с прессой, борьбы за массовое общественное сознание. Потом оно спохватилось, но было уже поздно. Необходимость подкреплять радикальные экономические преобразования целенаправленной работой по формированию их массовой поддержки – один из важнейших уроков этого периода.

Мощным дестабилизирующим фактором становились сепаратистские устремления ряда республик. Его значение особенно возросло с провозглашением Россией своего суверенитета и верховенства на ее территории республиканских законов. Фактически это был курс на разрушение Союза. Активную атаку на союзное правительство повело трио Б.Ельцин – Н.Силаев – Р.Хасбулатов и их многочисленные союзники. В результате летом 1990 г. была заблокирована реформа цен – важный шаг радикальной реформы. Едва ли не больше всех возражали против нее те, кто потом осуществлял либерализацию цен в ее антинародном варианте. Правительство при этом допустило ряд тактических ошибок, не проявило необходимой твердости в решениях.

К концу 1990 г. у правительства Н.Рыжкова было все: четкая программа действий, исполнители, определенный опыт реформирования. Не было лишь одного – доверия. Перестройка исполнительной власти и избрание первого Президента СССР не улучшили ситуацию. Теоретически такая перестройка могла стабилизировать обстановку в стране и способствовать продолжению курса реформ. Этого, к сожалению, не произошло. «Но не в силу порочности принятого решения, а в результате отсутствия тех самых «определенных условий» – политической мудрости и воли; общественного согласия, основанного на подчинении групповых устремлений высшим национально-государственным интересам; готовности последовательно и решительно проводить в жизнь выработанный курс», – отмечает Л.Абалкин (3, с.45).

Правительственной концепции была противопоставлена альтернативная программа, получившая название «500 дней» или «программа Шаталина – Явлинского». Формально речь шла о разработке «основы экономической части союзного договора». В рабочую группу был включен и Е.Ясин, продолжавший работать над правительственной концепцией. Это открывало ему полный доступ к информации, наработкам и конкретным рекомендациям правительства, разрабатывавшего в тот момент программу первоочередных мер по переходу к рынку в соответствии с принятой концепцией.

Если бы группа Г.Явлинского строго придерживалась линии на разработку основных принципов экономической части союзного договора, то столкновения программ можно было бы избежать. Но уже с первых шагов стало ясно, что она взяла курс на разработку альтернативной программы радикальной реформы.

Таким образом, главными ошибками правительства Н.Рыжкова в осуществлении первого этапа радикальной реформы Л.Абалкин считает:

- некомплексное ее осуществление, когда, например, самостоятельность предприятий не была подкреплена соответствующими изменениями в методах планирования, введением налоговых ограничений, изменениями ценообразования и др.;

- медлительность осуществляемых шагов, откладывание назревших преобразований, касающихся, в частности, перестройки кредитной политики, перехода к оптовой торговле средствами производства;

- политические амбиции правящей элиты;

- отсутствие твердости правительства в проведении выработанной линии;

- отсутствие единого понимания природы накопившихся проблем и путей их разрешения;

- недостаточное внимание к формированию массового общественного сознания (1, с.110-113).

Наполненный драматическими событиями 1991 г. с его круто закрученной интригой и трагическим финалом оказался для экономической реформы периодом безвременья. Какие-то решения принимались. Продолжалось славословие по поводу рынка. Однако стратегическая нить преобразований оборвалась, за практическими шагами не просматривалось сколько-нибудь продуманной и выверенной концепции.

Политические потрясения тяжело сказались на экономике, привели к глубокому спаду производства. Валовой национальный продукт сократился на 17% в 1991 г. по сравнению с 1990 г., объем промышленной продукции почти на 8%, розничный товарооборот – на 7,1%. Причем спад нарастал от месяца к месяцу, от квартала к кварталу (3, с.53). Подобных потрясений страна не испытывала со времен Отечественной войны.

Августовский путч спровоцировал развал Союза и выбор «шокового» варианта экономической реформы. События, происшедшие во второй половине 1991 г., радикально изменили ситуацию и во многом предопределили новый этап экономической реформы (2, с.7). Позже, когда стали очевидными пагубные последствия этого варианта, появились аргументы, призванные доказать, что альтернативы избранному курсу не было.

КРИТИКА ПОЛИТИКИ «ШОКОВОЙ ТЕРАПИИ»

В основе критики позиции радикальных реформаторов лежит взятая на вооружение академическим сообществом теория альтернативности. В соответствии с этой теорией будущее любого общества не однозначно. Оно всегда представлено в виде веера возможных вариантов или сценариев. Особенно рельефно альтернативность общественного развития проявляется в переходные эпохи, в процессе радикальной ломки и обновления сложившихся структур и отношений. Выбор пути является итогом действия многочисленных факторов и происходит в результате острейшей социально-экономической, политической, информационной борьбы. Как только один из вариантов становится определяющим, другие отпадают, возврат или переход к другим сценариям становится уже нереалистичным.

Эти теоретические послышки используются сторонниками постепенных преобразований для опровержения аргументов, доказывающих, что «шоковая терапия» была единственно возможным путем преобразований. Аргументы радикальных реформаторов сводятся к тому, что, во-первых, до прихода правительства реформаторов, начавшего свою деятельность с либерализации цен, никаких реформ в стране не проводилось, было топтание на месте. Во-вторых, развал потребительского рынка, проявившийся в конце 1991 г. в пустых прилавках, не мог быть устранен другим путем. В-третьих, в распоряжении государства не оставалось реальных рычагов власти, поэтому единственной надеждой оставалась саморегулирующая роль рынка.

Отвечая оппонентам, сторонники постепенного реформирования отмечают следующее.

1. Тезис о том, что реальные реформы начались лишь в 1992 г., является одним из мифов, активно внедряемых в массовое сознание. По мнению ученых РАН, это отнюдь не превращает миф в правду. Так, в многочисленных работах Л.Абалкина, посвященных анализу экономических реформ в России, приведены неопровержимые доказательства реальных шагов, направленных на создание в стране социально ориентированной рыночной экономики (1; 3; 4).

2. Опустошение прилавков произошло не столько в результате объективных причин, сколько вследствие заявлений о предстоящей либерализации цен. Обострившийся дефицит в 1991 г. был не

первопричиной либерализации цен, а реакцией на объявленные намерения.

3. Мировой опыт развития рыночной экономики показал необходимость активного участия государства в хозяйственной жизни и несостоятельность идеи полного ухода от государственного регулирования. Необходимо создать качественно новую систему управления и регулирования, адаптированную к условиям рынка (3, с.55).

Альтернативы выбранному пути не только были, они всесторонне обосновывались учеными, доказавшими нецелесообразность радикального варианта реформ и пагубность его последствий. Впоследствии были проведены специальные исследования, посвященные проблеме оптимального выбора вариантов, который зависит не только от политических амбиций, но и от оценки реальных возможностей экономики. По мнению В.Рязанова, например, выбор альтернативы реформирования в немалой степени зависит от того, насколько точно определено исходное состояние национальной хозяйственной системы (19), особенно степени развития товарно-рыночных черт.

В зависимости от исходной концепции экономического строя (рыночная или нерыночная) можно судить о том, каким образом реформировать экономику. «Так, опираясь на постулат о нерыночности советской экономики, в недалеком прошлом был сделан неправомерный вывод, что сложившуюся систему государственной экономики (бюрократического рынка) нельзя изменить, ее можно только разрушить. Реформаторы либерального толка вынесли приговор: система не поддается постепенной перестройке. Именно такие оценки стали теоретической опорой в обосновании выбора реформы рыночного шока в России, запустившей кризис и распад, а значит, предопределившей обнищание значительной массы населения» (19, с.435).

В.Рязанов убежден в том, что неререформируемых экономик не бывает. Любая экономика поддается улучшениям и преобразованиям, поскольку всегда представляет собой «экономику живых людей». Кроме того, к 1985 г. наша страна представляла собой фактически смешанное, многосекторное хозяйство с ограниченным действием рыночных механизмов. Вместо «шоковой терапии» необходимо было проводить политику постепенной трансформации планово-рыночного хозяйства в хозяйство социального типа с регулируемыми рыночными отношениями.

Стремление «подхлестнуть» преобразования, осуществить переход к рынку одним прыжком было подвергнуто серьезной критике со стороны многих ученых. Поставленные объективно в довольно сложные

условия инициаторы стремительного реформирования не имели возможности разработать стратегию преобразований и в то же самое время не желали использовать имеющиеся заделы. Эта поспешность является отличительной особенностью нового (названного российским) этапа радикальных реформ, начавшегося в 1992 г., и долгое время считалась главной ошибкой реформаторов радикального толка (2).

В основе избранного российским руководством курса лежал монетарный подход. При этом имелся в виду не просто монетаризм как одно из направлений экономической науки, а монетаризм с ярко выраженной национальной окраской.

Российский монетаризм – это политика и идеология, основанные на придании доминирующего значения денежным факторам и ориентированные на достижение соответствующих показателей (объем денежной массы в обращении, темпы инфляции, величина бюджетного дефицита). Все другие факторы либо недооцениваются, либо просто игнорируются. Сложнейшие экономические и социальные процессы рассматриваются сквозь узкую щель денежного обращения. Так, Е.Ясин, отказавшийся от поддержки постепенных преобразований, утверждал, что единственной причиной инфляции является бюджетный дефицит, забывая при этом о влиянии на цены издержек производства, транспортных тарифов, монополизма производителей, величин налоговых ставок и ссудного процента. В результате методы подавления инфляции оказывались крайне ограниченными и неэффективными (3).

Односторонность российского монетаризма проявлялась и в стремлении выйти на заданные параметры любой ценой. Главное – добиться финансовой стабилизации, а все остальное в экономике нормализуется само собой. Рынок сам расставит все по своим местам. Такой подход, кстати, объясняет и отсутствие у правительства четкой структурной политики, системы общенациональных приоритетов (3, с.58).

Кроме того, команду Е.Гайдара критикуют за то, что она не пользовалась советами ведущих ученых нашей страны. Исключение было сделано лишь для западных консультантов – сторонников монетаризма (Дж.Сакса, руководителей МВФ и других международных финансовых организаций), которые не столько давали советы и рекомендации, сколько выдвигали условия, обязательные для выполнения при получении кредитов или различных видов помощи.

К этому следует добавить, что советники из МВФ всегда отличались крайней самоуверенностью, безапелляционностью своих суждений и поразительно слабым знанием российской действительности,

истории страны и ее культуры, духовного склада населения и сложившейся системы ценностей. Отрицательные последствия осуществленных в 1992 г. мер были настолько велики и разрушительны, что поразили самих авторов «шоковой терапии». Не удалось остановить спад производства, обуздать инфляцию, добиться финансовой стабилизации, предотвратить обнищание населения.

Уже после первых месяцев радикальных реформ Институт экономики РАН дал развернутый анализ принципиальных ошибок правительства (17). Констатируется, что кабинет министров Е.Гайдара за основу взял экономические принципы, разработанные группой специалистов США и известные как идеи «Вашингтонского консенсуса». Это – вытеснение государства из сферы экономики и свобода рыночного саморегулирования, массовая приватизация собственности, либерализация торговли и системы ценообразования, форсированное сжатие денежной массы как средство подавления инфляции, валютно-финансовая открытость экономики, упор на внешние заимствования как источник экономического роста.

Однако ни одной из стран, пытавшихся реализовать подобную программу, не удалось добиться успеха. Наиболее ярко несостоятельность идей «Вашингтонского консенсуса» проявилась в Индонезии, в большинстве стран СНГ и, конечно, в России. Сегодня многие крупные зарубежные экономисты резко критикуют возведение в абсолют таких принципов (4, с.187).¹

Результаты преобразований по навязанной «Вашингтонским консенсусом» модели были настолько ошеломляющими, что ученые усомнились не только в профессионализме реформаторов, но и в том, что наша страна стала ближе к рыночной экономике в 1995 г. по сравнению с 1991 г. В.Рязанов справедливо полагает, что реформирование должно служить развитию производства и общества, а не их разрушению. Если же при проведении реформы преобладают чисто разрушительные механизмы, а главной целью становится уничтожение старой системы, такие процессы нельзя называть классической реформой (20, с.227).

На фоне указанных социально-экономических потрясений возникли качественно новые явления. В частности, изменилась природа самого экономического кризиса, который утратил способность создавать внутренние источники возрождения. Начавшийся в 1993 г. кризис

¹ Подробнее см.: обзор И.Г.Минервина «Зарубежные исследователи о путях трансформации российской экономики: Многообразие подходов, сходство выводов» в настоящем сборнике.

перерос в прямой развал экономики. В итоге принципиально иной стала и стратегия реформ, вылившаяся в весьма примитивную стратегию выживания.

В связи с этим сотрудники Института экономики РАН приходят к выводу о том, что фактически с конца 1993 г. никаких реформ в стране уже не проводилось. «Безуспешные попытки правительства залатать постоянно возникающие дыры – это отнюдь не движение по пути реформ, а всего лишь способ выживания» (5, с.180).

Тем не менее, когда летом 1994 г. правительство приняло решение о разработке программы реформ и развития экономики на 1995-1997 гг., специалисты расценили расширение горизонтов стратегического видения до трех лет как новую возможность выработки четких социально-экономических приоритетов, определения ключевых проблем структурной и инвестиционной политики. Но, к сожалению, работа над программой пошла по хорошо накатанной колее. Все беды российской экономики объяснялись «объективными закономерностями», а не ошибочностью выбранного курса.

Поэтому в целом возобладал инерционный подход – упрямое продолжение ранее принятого курса. В качестве главной цели выдвигалась финансовая стабилизация, которая по времени должна предшествовать подъему производства, оживлению инвестиционной активности и решению социальных задач.

Инерционный подход не получил поддержки в академических кругах по следующим причинам.

Во-первых, разведение во времени задач финансовой стабилизации и оживления в реальном секторе экономики (подъем производства и наращивание инвестиций) теоретически несостоятельно и практически неосуществимо. Не может быть здоровых финансов при больной экономике. Как и невозможно увеличить доходы бюджета при падающем производстве.

Во-вторых, ошибочно сводить финансовую стабилизацию к состоянию федерального бюджета и снижению темпов инфляции «любой ценой». С народнохозяйственных позиций финансовая стабилизация предполагает, как минимум, нормализацию денежного обращения, преодоление непомерно затянувшегося кризиса платежей, укрепление финансового положения главных субъектов рыночной экономики, восстановление функций денежных сбережений населения.

В-третьих, финансовую стабилизацию нельзя фетишизировать при проведении рыночных реформ.

Стало очевидным, что правительство, продолжая клясться в верности курсу реформы, все чаще прибегает к использованию отживших и скомпрометировавших себя методов административного контроля и управления (попытки восстановить тотальный контроль за распоряжением всеми финансовыми ресурсами, предложения о вне рыночном и внесудебном порядке объявления предприятий банкротами). Именно поэтому сторонники постепенных преобразований считали программу 1995-1997 гг. новым вариантом монетаристских иллюзий и обещанием выполнить указания международных организаций как условие получения финансовой помощи.

Однако, критикуя своих оппонентов, ученые все-таки признают некоторые позитивные моменты «российского» этапа реформы. В ее актив зачисляются: преодоление тотального огосударствления экономики, слом административно-командной системы управления, начало создания структуры и инфраструктуры современного рынка, появление хотя и массового, но довольно неоднородного слоя российских предпринимателей. Но все это, считают они, создает лишь предпосылки для достижения конечных целей реформы.

Если таковыми являются создание высокоэффективной и социально ориентированной экономики, гибкой и восприимчивой к нововведениям, обеспечивающей высокое качество жизни и органически включенной в мировое хозяйство, то очевидно, что эти цели достигнуты не были. Реальный ход экономических и социальных процессов привел к прямо противоположным результатам. Причина видится прежде всего в том, что увлекательная и опьяняющая ломка сложившейся системы явно опередила созидательную работу. Но самую главную причину неудач радикальных реформаторов сторонники постепенной трансформации видят в порочности избранного курса социально-экономических преобразований, ошибочности стратегии и тактики их проведения.

Ученые сходятся во мнении о бесперспективности навязанной модели реформирования и о чрезмерности разрушений, совершенных ельцинскими реформами (4; 5; 12; 20; 21; 22 и др.). Так, Б.Ракитский приходит к выводу, что реформы российского периода не только не создали предпосылок хозяйственного подъема и социального благополучия, но породили опасные факторы необратимого разрушения хозяйства и деградации населения России, сделали весьма вероятной утрату Россией своей самостоятельности (22, с.83).

ИДЕИ ОБНОВЛЕНИЯ КУРСА СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ

Убедившись в неспособности «шокотерапевтов» создать не только социальноориентированную рыночную экономику, но и достаточно убедительную стратегию выживания, сторонники постепенных преобразований настойчиво рекомендуют смену курса социально-экономической политики. Ученые РАН предложили новую программу, направленную на обновление курса реформ и против разрушительных процессов искажения последнего.

В концентрированном виде эта концепция изложена в совместном докладе ряда видных экономистов России и США – Л.Абалкина, О.Богомолова, В.Макарова, Л.Клейна, В.Леонтьева, Д.Тобина, М.Интрилигейтора, М.Поумера и др., опубликованном в июле 1996 г., за два дня до второго тура президентских выборов (14). Однако идея обновления курса сразу была воспринята радикальными реформаторами как уход от реформ, усиление авторитаризма, поскольку в основу нового курса предлагалось положить опыт китайских преобразований. Их суть состоит в том, что власть остается в руках старой номенклатуры благодаря сохранению однопартийной системы и идеологической жесткости режима. Экономические преобразования проводятся постепенно и под контролем номенклатуры, а попытки альтернативной политической деятельности жестко подавляются (13, с.6).

На самом деле именно потому, что к 1996 г. в стране все больше нарастало недовольство результатами реформ, и появились «опасные признаки отказа от радикальных преобразований и возврата к прошлому» (4, с.26), и именно для того, чтобы не произошло «отката назад» сотрудники Института экономики РАН разработали «Новую экономическую политику». Новая экономическая политика была направлена против «старой»: против примитивной демонетизации экономики, государственной монополизации финансового рынка, удушающего малый бизнес законодательства, разрушения социальной сферы. Она предполагала продуманный и взвешенный путь перехода к рынку вместо создания его рыночных суррогатов, профессионализм, заменяющий импровизации, высокое качество жизни вместо массового обнищания населения.

Особенно подчеркивалось, что обновление курса реформ не является одномоментным актом. В отличие от локальных решений, таких, например, как ставка процента или размер налоговых платежей, фиксация курса рубля, изменение таможенных пошлин или налоговых платежей, которые могут вводиться с определенной даты, переход к

новой стратегии требует времени. Наряду с четким определением ее целевых установок и выбором национальных приоритетов, необходимо проведение крупного структурного маневра.

Одной из ключевых задач является восстановление управляемости экономики, создание надежного механизма управления государственной собственностью. Необходимыми условиями успеха обновления должны стать российская идея, расширение социальной базы реформ и доверие населения к власти.

Таким образом, ученые Отделения экономики РАН были и остаются инициаторами и сторонниками глубоких социально-экономических преобразований общественной жизни страны. Правильность сделанных в статье о новой экономической политике выводов подтверждается самой жизнью. К сожалению, в то время ни переизбранный президент, ни члены правительства не прислушались к высказанным рекомендациям.

Разразившийся в августе 1998 г. финансовый кризис, который не был неожиданностью для экономистов, работающих над проблемами реформирования экономики страны, показал, что дискуссия между сторонниками радикальных реформ («шокотерапевтами») и приверженцами постепенных преобразований (градуалистами) о том, что лучше, быстрый или постепенный переход к рынку, потеряла актуальность. История российских реформ свидетельствует, во-первых, о том, что шоковые реформы оказались на деле не такими быстрыми, как предполагалось; во-вторых, что скорость реформирования не является определяющей в осуществлении перехода к рынку, гораздо большее значение имеет макроэкономическая политика и эффективность институтов, измеряемая изменением доли государственных доходов и теневой экономики в ВВП (13; 16 и др.). В результате сторонники постепенных преобразований пришли к выводу, что главная причина ошибок реформаторов-радикалов состоит не в ускоренном проведении реформ, а именно в неправильном выборе курса реформирования, ориентированного на рекомендации западных специалистов (4; 20; 21; 22).

Последствия проводимых реформ и разразившегося 17 августа 1998 г. кризиса подробно изучены специалистами. Нет смысла перечислять все испытания, выпавшие на долю народа, их слишком много и все они слишком тяжелы. Главным же последствием проводившейся политики является то, что наша страна перешагнула еще один критический рубеж, поставивший ее в качественно иную ситуацию.

Институт экономики РАН много лет занимался расчетами, связанными с экономической безопасностью страны. Согласно международным критериям, страна считается независимой при разработке целей, стратегии, направлений, ориентиров экономической политики, если ее внешний долг не превышает 60% от годового ВВП. Совокупный долг РФ, накопленный как за годы существования Советского Союза, так и независимой России, равен округленно 150 млрд. долл. По курсу доллара 1:6 внешний долг страны до 17 августа 1998 г. составлял 900 млрд. руб. Это было чуть больше трети ВВП. По курсу доллара 1:16 (к ноябрю 1998 г.) эти же 150 млрд. внешнего долга составляют 2 трлн. 400 млрд. руб., или почти 80% ВВП (4, с.203). Фактически страна поставлена в положение должника при тех же фондах и производственных мощностях.

Когда Россия оказалась на краю пропасти, и в очередной раз предлагалась модель развития уже латиноамериканского образца, ученые Отделения экономики РАН посчитали своим профессиональным долгом (за несколько дней до назначения академика Е.Примакова Председателем Правительства РФ) обратиться к Президенту России, Федеральному собранию и Правительству России со своими предложениями по обеспечению минимальной экономической безопасности населения и страны от реальных угроз разразившегося финансового кризиса.

Открытое письмо, подписанное Д.Львовым, Л.Абалкиным, О.Богомоловым, В.Макаровым, Д.Некипеловым, Н.Петраковым, С.Ситаряном, Н.Федоренко и др., содержало изложение эмиссионной идеи вывода страны из кризиса (15). Несмотря на критику предложенного варианта, в пользу эмиссии высказались абсолютное большинство тех ученых и практиков, к чьим мнениям стоило по разным причинам прислушаться.

Основные положения программы заключаются в следующем:

- регулярная индексация заработной платы, пенсий, пособий и стипендий за счет дополнительных бюджетных поступлений, «базирующихся на росте цен»;
- создание государственного фонда для централизованных закупок импортного продовольствия;
- расширение массивной денежной поддержки банков, реанимация механизма кредитования промышленности через уполномоченные банки;
- обязательная продажа экспортерами 100% валютной выручки Центральному банку; резкое сокращение числа банков, уполномоченных проводить валютные операции;

- восстановление института спецэкспортеров для определенных категорий «стратегических товаров»;
- решение проблемы неплатежей за счет «контролируемой эмиссии» и покрытия просроченных незначительных долгов за счет разового вливания денег в экономику;
- создание условий для роста российского промышленного производства за счет стимулирования потребительского спроса на отечественные товары (6, с.12).

Открытое письмо широко обсуждалось в прессе. Реформаторы в лице Е.Ясина посчитали программу оторванной от реальной жизни (24). «Востребованные властью советские академики» подверглись критике, а их программа была окрещена как «манифест нового курса», выражающего интересы бывших советских директоров.

По мнению Ю.Латыниной, например, программа сторонников постепенных преобразований, на которых радикальные реформаторы возлагали вину за половинчатость реформ, потребовалась правительству для расширения «своей социальной базы» (10). Однако она не согласна с мнением радикальных реформаторов о том, что реформы получились половинчатые по вине «ретроградов».

В действительности в половинчатости российских реформ виноваты сами реформаторы, поскольку при приватизации социалистического государства была приватизирована только половина того, что состояло на балансе. А именно – активы. Обязательства же остались у самого государства. Реформы удавались только тогда, когда теоретические построения реформаторов совпадали с практическими потребностями «новых русских». Скажем, приватизация жилья – т.е. активов государства – оказалась делом простым. А вот жилищно-коммунальные услуги – т.е. пассивы государства – остались на дотации у бюджета.

Благодаря вышеописанной половинчатости государство превратилось в высокодоходный финансовый инструмент, доступный крайне ограниченному кругу лиц. А так как помимо того, чтобы служить финансовым инструментом, государство являлось еще и средой обитания российских олигархов, то в погоне за прибылью среда обитания оказалась испорченной. И когда неприкрытый паразитизм кончился дефолтом, власти потребовалась более широкая социальная база, которую обеспечили своей программой ученые-академики.

Она не предусматривает возврата к социализму, но, по мнению экспертов, является несколько расширенным и демократизированным вариантом той системы, которая сформировалась за годы реформ в

России. «Та партия бывших советских директоров крупных и средних предприятий, выразителями интересов которой можно считать бывших советских академиков, вовсе не заинтересованы в государственной собственности на средства производства. Они заинтересованы в другом – в предоставлении директорам тех прав, которыми сейчас пользуются только олигархи» (10, с.13). Именно для расширения круга соискателей финансовой милости, пишет Ю.Латынина, вводятся новые механизмы и осуществляется переход от сугубо индивидуальных концессий к поточному методу предоставления льгот, каковым являются институты спецэкспортеров или множественность валютных курсов.

Тем не менее, после утверждения нового состава правительства во главе с Е.Примаковым идеи, которые нарабатывались в предшествующие годы, были на определенное время востребованы. И хотя, как отмечает Л.Абалкин, «замалчиванию богатейшего потенциала российской экономической науки пришел конец» (4, с.6), дальнейшие события показали, что устойчивое и системное привлечение ученых РАН, в том числе не только экономистов, к разработке программы возрождения России еще не состоялось.

*

* *

Оценивая в целом эволюцию взглядов сторонников постепенных преобразований, можно сказать, что они неуклонно следовали курсу реформ, предлагая правительству различные, основанные на теории социальных альтернатив, программы вывода страны из кризиса на протяжении десятилетнего периода преобразований. Поэтому потери и разрушения как неизбежная расплата за ошибки реформаторов не рассматриваются как научно состоятельные.

Радикальные реформы, по их мнению, начались в 1989 г., когда была разработана первая концепция радикального реформирования экономики. Весь период реформ они делят на два этапа: первый, советский этап преобразований (1989-1990) и второй, российский этап, начавшийся в 1992 г.

«Шоковая терапия» и последующий переход к стратегии выживания воспринимаются «градуалистами» как отклонение от курса реформ. Более того, высказывается мнение, что с определенного момента рыночные реформы в смысле перехода к социально ориентированной рыночной экономике в стране вообще не проводились, их заменил ошибочный курс социально-экономической политики, который лишь назывался «реформами». В результате было потеряно доверие народа к правительству, финансовым организациям и самим реформам.

Наблюдается и смена акцентов в оценке «шокотерапевтов». Если в первые годы российских реформ основным недостатком политики их проведения считалось желание одним скачком перейти к рынку, то со временем было признано, что ошибочны не столько выбранные темпы преобразований, сколько выбранный стратегический курс.

“Градуалисты” неоднократно подчеркивали, что второй этап реформирования отличается замалчиванием богатейшего потенциала российской экономической науки и обращением к рекомендациям малоизвестных и плохо знающих Россию экспертов МВФ. Они обосновывают необходимость крутого, радикального поворота проводимой в стране социально-экономической политики, доказывая, что продолжение старого курса носит тупиковый характер. При этом, если в начале преобразований предполагалось, что программу перехода к рынку можно осуществить за полтора-два года, то затем был сделан вывод о том, что смена курса это не одномоментный акт и требует достаточно много времени. Кроме того, ученые уже не ориентируются на какую-либо западную или восточную модель развития, считая наиболее важным учет национальных особенностей страны.

Несмотря на пессимистические оценки западных экспертов (8)¹, сторонники постепенных преобразований по-прежнему считают, что Россия имеет шанс на возрождение и должна идти по пути нравственного подъема, социального творчества и созидания, освоения своего богатого наследия и вновь стать великой экономической державой (4; 5; 7; 11; 19; 21 и др.)

¹ Подробнее см.: обзор И.Г.Минервина «Зарубежные исследователи о путях трансформации российской экономики: Многообразие подходов, сходство выводов» в настоящем сборнике.

Список литературы

1. Абалкин Л. Неиспользованный шанс: Полтора года в правительстве. – М., 1991. – 304 с.
2. Абалкин Л. В тисках кризиса. – М., 1994. – 271 с.
3. Абалкин Л. Зигзаги судьбы: Разочарования и надежды. – М., 1996. – 289 с.
4. Абалкин Л. Спасти Россию. – М., 1999. – 254 с.
5. Абалкин Л. Выбор за Россией. – М., 1998. – 212 с.
6. Галиев А. Раздвоение личности//Эксперт. – М., 1998. – № 35. – С.10-12.
7. Греф Г. Внутри каждого сидит ожидание чуда//Известия. – М., 2000. – 29 дек. – С.1-2.
8. Грэм Т. Возрождение России отнюдь не неизбежно//Моск. комсомолец. – М., 2001. – 13 февр. – С.2.
9. Конотопов М., Сметанин С. Из тупика: экономический опыт мира и путь России. – М., 2000. – 383 с.
10. Латынина Ю. Директора против олигархов//Эксперт. – М., 1998. – № 35. – С.13.
11. Львов Д. Будущее Российской экономики//Экономист. – М., 2000. – № 12. – С.3-18.
12. Макаревич Л. Кризис постсоветской экономической модели//Бюл. фин. информации. – М., 1998. – №9. – С.4-21.
13. Мау В. Российские экономические реформы глазами западных критиков//Вопр. экономики. – М., 1999. – № 11. – С.4-23.
14. Новая экономическая политика для России: Совместное заявление российских и американских экономистов//Независимая газ. – М., 1996. – 1 июл. – С.1.
15. Открытое письмо ученых Отделения экономики РАН Президенту, Федеральному собранию и Правительству РФ//Экономика и жизнь. – М., 1998. - № 37. – С.2-3.
16. Попов В. Шокотерапия против градуализма: конец дискуссии//Эксперт. – М., 1998. – № 35. – С.14-19.
17. Проблемы и необходимые коррективы политики экономической реформы/РАН: М., 1992. – 108 с.
18. Ростовский М. Игры патриотов//Моск. комсомолец. – М., 2001. – 13 февр. – С.2.
19. Рязанов В.Т. Экономическое развитие России: реформы и российское хозяйство в XIX-XX вв.. – СПб: Наука, 1998. – 796 с.
20. Рязанов В.Т. Смена трансформационной модели в России: причины и перспективы//Шансы российской экономики/Под ред. Осипова Ю., Зотовой Е. – М., 1997. – С.225-251.
21. Ханин Г. Стабилизация кризиса//ЭКО: Экономика и орг. пром. пр-ва. – Новосибирск, 2000. – № 3. – С.11-50.
22. Шансы российской экономики/Под ред. Осипова Ю., Зотовой Е. – М., 1997. – 665 с.
23. Экономическая реформа: поиск решений. Материалы Всесоюзн. Науч.-практ. конф. по проблемам радикал. экон. реформы, 13-15 ноября 1989 г./Под общ. ред. Абалкина Л., Милокова А. – М., 1990. – 288 с.
24. Ясин Е. Не надо приставать к людям//Известия. – М., 2001. – 12 февр. – С.1, 10.
25. Ясин Е. Поражение или отступление? (Российские реформы и финансовый кризис)//Вопр. экономики. – М., 1999. – №2. – С.4-28.